

М. Грушевский

УКРАИНЦЫ*

I

Приблизительно девять десятых всей этнографической украинской территории (то есть территории с преобладающим украинским населением) находится в границах России, занимая почти всю южную часть ее — за исключением Подонья и южного Поволжья¹⁾ — и сосредотачивая в себе около 26 миллионов украинцев. Наиболее однородным составом населения отличается среднее Поднепровье (губерния Полтавская, южная часть Черниговской, восточная часть Киевской и смежные части Екатеринославской), где украинский элемент составляет в общем не менее 90% населения, колеблясь между 80% и 98% даже по официальной переписи. В западной части оно более разрежено инородными элементами, главным образом польским и еврейским.

При такой огромной численности, занимая большую и весьма разнородную территорию, живя в различных физических

* Статья перепечатана из сборника „Формы национального движения в современных государствах“ под редакцией А. И. Кастелянского. Издание т-ва „Общественная польза“, С.-Петербург, 1910, с. 309–330.

и культурных условиях, соприкасаясь с различными народностями и культурами, украинское население неизбежно должно обнаруживать известные различия, как в своем психо-физическом и этнографическом облике, так и в культурном, экономическом и политическом складе своей жизни. Однако значительные отличия в народном облике встречаются только в наиболее глухих окраинах украинской территории — в карпатском горном поясе и в полесской полосе, менее подвергавшихся колонизационным пертурбациям, которыми так изобиловала история украинского народа. Все же центральная и юго-восточная часть украинской территории, благодаря этим пертурбациям, вымешавшим, так сказать, всю массу населения, отличается большой однородностью в типе своего населения, обнаруживая лишь второстепенные отличия в своем диалекте, в этнографическом складе и в культуре. И этот господствующий тип, к которому относится не менее пяти шестых всей украинской народности, представляет вполне определенную национальную разновидность, отличную от своих соседей — поляков, белоруссов, великороссов, — обладающую определенными лингвистическими, этнографическими, культурными особенностями, органически связанную воедино вместе со своими окраинами общими чертами и сознанием этой общности, и вполне ясно противопоставляющую себя другим народностям.

Под влиянием политических соображений не было недостатка в попытках и с польской, и с великорусской стороны представить украинскую народность разновидностью польской или русской нации, не имеющей самостоятельного значения. Попытки эти не прекращаются и по нынешний день, а среди филологов-славистов до сих пор продолжается спор на тему, составляют ли (велико)русский и украинский (или малорусский) языки два самостоятельных языка или два „наречия“ одного русского языка. Но этот спор (не говоря уже о вылазках совершенно не научных) является спором формальным, а не по существу. Считать ли (велико) русский и украинский языки самостоятельными языками или же только наречиями — не так важно; вполне точных критериев для отличия языка от наречия в сущности не существует, и если в прежнее время официально принятая терминология не допускала термина „язык“

для обозначения украинской речи и настойчиво называла его наречием, то теперь почти общепринятым является термин „украинский (или малорусский) язык”. Важнее то, что филологическая и историческая наука знает оба языка лишь как явления равнозначные, берущие свое начало за пределами исторического существования обеих групп племен — северной и южной, — и не признает действительного существования какого-либо реального „общерусского языка” — по крайней мере в исторические времена: так называемый русский язык является литературной обработкой великорусских наречий, и рядом с ним обрабатывались литературно и наречия украинские. И так как литературный (велико) русский язык не может с успехом служить ни органом народного просвещения и популярной литературы, ни органом культурной жизни для всей совокупности украинской народности, не может быть *родным* для нее, то рядом с ним неминуемо должен культивироваться и разрабатываться, как орган культурной и национальной жизни, язык украинский уже в силу воздействия простого инстинкта самосохранения.²

И это вполне понятно: употребление (велико) русского языка требует от украинца значительной подготовки, которая невозможна ни для народных украинских масс, ни для интеллигенции украинских земель, находящихся за пределами России. Пользование им или обрекло бы на темноту народные массы, или привело бы в конце концов к существованию двух языков: украинского для народа и (велико) русского для интеллигенции, по рецепту некоторых „умеренных” сторонников украинского языка (украинский язык для народа и для домашнего потребления). Но такое „двуязычие” было бы извращением нормальных условий культурной жизни и неминуемо вело бы к различным ненормальностям: к созданию культурного и всякого иного средостения между интеллигенцией и народными массами, культурному захуданию этих последних и т. д.

Как по своему языку, этому первому и важнейшему показателю национальной жизни, так и в других своих проявлениях украинский национальный тип отнюдь не представляет собою чего-нибудь новоявленного, а является продуктом всей исторической жизни украинского народа, всего многообразия

ее условий. Как и дифференциация славянских племен вообще, так и зачатки обособления украинского племени берут свое начало из глубины до-исторических времен, а позднейшая историческая жизнь только усиливала это обособление, ведя украинские племена особым путем, только временами и отчасти совпадавшим с исторической эволюцией племени великорусского или белорусского — с одной стороны и польского — с другой.

На заре истории мы встречаем украинские земли вместе с землями великорусскими и белорусскими в составе одного государства, в котором политическая и культурная гегемония принадлежала элементу украинскому, южному. Позже великорусские и белорусские земли обособляются, а в украинских — политическая и культурная жизнь слабеет, благодаря неблагоприятным колонизационным условиям, в которых очутилась восточная Украина (натиск кочевников), и в конце концов они входят в состав Польско-литовского государства и несколько столетий живут в условиях совершенно отличных от жизни земель великорусских. Великое народное движение, вызванное социальными и национальными условиями Польши, оканчивается соединением восточной Украины с Московским государством в 1654 г., между тем как Западная Украина, благодаря неудачной политике московского правительства, остается под властью Польши и только отчасти воссоединяется с восточными украинскими землями в конце XVIII в., когда к России присоединяется Киевщина, Волинь, Подолье, Побужье. Но галицкая Украина, вместе с Буковиной, отходит к Австрии, а закарпатские земли остаются в составе Венгрии.

С 1654 г. начинает свое существование украинский вопрос в России, вызванный глубоким противоречием между стремлениями украинского народа и политикой московского, позже петербургского правительства. Украинский народ, точнее — казацкая старшина, вершившая его политику, ища опоры против Польши в Москве, мыслила свои отношения к московскому правительству в виде вассальных или федеративных отношений, с сохранением широкой автономии Украины под управлением своего выборного гетмана и выборной же старшины. Московское правительство на первых порах оставило украинскую автономию фактически неприкосновенной, сделав ряд

принципиальных уступок, сводивших в некоторых отношениях связь Украины с московским государством до чисто личной унии. Но вместе с тем оно смотрело на эти уступки как на временные, преходящие, имея в виду превратить со временем Украину в простую московскую провинцию. В то время как старшина стремилась к тому, чтобы в своих отношениях к Москве развить и формулировать принципы автономии, заложенные в переговорах и т. н. „статьях Богдана Хмельницкого”, и выборный, вполне автономный, свободный от всяких вмешательств московского правительства строй Украины считала за *conditio sine qua* поп своих отношений к Москве, — московское правительство, наоборот, старалось использовать всякую тактическую ошибку украинских политиков, всякое их затруднительное положение для того, чтобы шаг за шагом ограничивать автономию Украины, сводить на нет конституционные формы ее строя и взамен их расширять сферу влияния своих агентов и своего управления. Заметив антагонизм между украинскими массами и старшиной на почве экономических и социальных отношений, оно старается использовать и это внутреннее раздвоение, чтобы сбить старшину с позиции и принудить ее к уступкам в области ее политической программы. Но скоро обнаружилось, что народные массы, хотя и не солидарные со старшиной благодаря ее общественно-экономической политике, все же мало сочувствовали планам введения в Украине московских порядков, администрации и обложения. Народное восстание 1668 г. показало это вполне определенно. Но московское правительство не отказалось и после этого от своих централистических планов, оно стало только еще осторожнее в их проведении, и для обеспечения успеха оно теперь старается не только подорвать силу и влияние старшины, но и ослабить и обессилить весь украинский народ, убивая в нем всякую силу сопротивления, всякую возможность самоопределения.

В этой борьбе московско-петербургская бюрократия осталась победительницей. Украинские политики напрасно делали отчаянные усилия, чтобы вырваться из пут московского централизма, опираясь на какую-либо из соперничающих держав — Польшу, Турцию, Швецию. Полувековые войны, совершенно истощив Украину и самое старшину, доказали бес-

плодность этих усилий: при внутреннем антагонизме между старшиной и народом нельзя было выдержать конкуренции с холодной, рассчетливой политикой Москвы. Правда, за свою борьбу с идеей украинской автономии московское правительство было наказано утратой правобережной Украины, которую успела вернуть себе Польша: наказано конфликтами с Запорожьем и, следовательно, отсрочкой своих успехов на Черноморском побережье и в борьбе с Турцией. Но в той части Украины, которая осталась под ее властью, московская бюрократия осуществила свои планы вполне. Старшина, терроризируемая демагогическими заигрываниями московских политиков и деморализуемая — с одной стороны системой опалы, ссылок и казней за приверженность к автономической программе, а с другой — щедрыми наградами за всякое проявление уступчивости в этой сфере, — не устояла в конце концов и пошла „в сторону наименьшего сопротивления”: замолчала о своих политических требованиях и получила в награду за это утверждение и расширение своих прав на захваченные земли и на закабаленные крестьянские руки, т. е. создание крепостного права на развалинах свободной автономной Украины. А народ, лишенный новым имперским режимом всех гражданских и имущественных прав и отданный под надзор „десяти тысяч полицеймейстеров”, уже больше не представлял никакой опасности.

Но покончив с политической обособленностью Украины,³ правительство России не удовлетворилось этим: оно решило стереть и уничтожить также и проявления ее национальной жизни, и даже особенности украинского национального типа. Начиная с Петра I для украинских изданий вводится цензура, имевшая целью привести их к единообразию в языке с изданиями великорусскими. Русифицируются украинские школы. Вводится великорусское произношение в богослужении. Всякие проявления украинского патриотизма ревностно преследуются и подавляются. Начиная с половины XIX века эта политика складывается в строгую систему.

Всякое проявление украинского самосознания преследовалось всевозможными мерами административной опалы. „Украинский сепаратизм” — это порождение нечистой совести российской бюрократии, в продолжение столетий подавлявшей

всякие политические, культурные и национальные стремления украинцев — искореняется теперь во всех сферах: идет ли речь о возникшем интересе к родному слову, или к прошлому и настоящему своего края, или, наконец, о работе на пользу просвещения и экономического развития народа.

Особенно ожесточенному гонению подвергаются стремления к литературной обработке украинского слова, к развитию популярной литературы для народа и для детей и к созданию на украинском языке научной литературы. „Не было, нет и быть не может” украинского языка, как культурного органа, вещает эта правительственная политика устами министра Валуева в 1863 г. и венчает свою запретительную систему известным указом 1876 г. Указ этот, ограничивший украинское слово узкой сферой оригинальной, полужурналистической беллетристики, а в своем применении лишивший его всякой возможности развития и движения даже в этой сфере, просуществовал вплоть до весны 1906 года.

Но этими гонениями убить украинство не удалось.

Вне их сферы оставались украинские земли Австрии, и туда, начиная с 1860-х годов, с обострением запретений в России, переносится центр тяжести всей культурной, литературной и научной работы и национального украинского движения вообще.

Движение политической украинской мысли непрерывно продолжалось за все время гонений, которым она подвергалась со стороны старого режима России, и в результате украинство развивалось лишь в тем более резкой оппозиции к этому режиму.

Однако широкому развитию украинства не могло быть места в этих условиях. Запрещения и гонения преграждали доступ украинской книге к широким народным массам российской Украины, осуждая их на темноту, захудание и вырождение. Они ставили непреодолимые препятствия развитию литературы; исключали возможность украинской прессы. Они не позволяли украинскому слову занять то место, какое принадлежит родному языку в культурной и духовной жизни каждого народа, каждого общества, извращая таким образом естественное развитие всей украинской жизни, закрывая для украинского общества возможность национального самоопределения и вообще всякой самостоятельности.

Вред был огромный, вознаграждаемый и, конечно, совершенно неустранимый простой бумажной отменой страшного указа 1876 г. Старая система угнетения живет, и естественные пути развития украинства почти также закрыты для него и сейчас, как и до этой отмены.⁴

II

Современное украинское движение и его идейное содержание естественным образом сформировалось на старых демократических и автономических традициях, обновленных и видоизмененных, уясненных и выкристаллизовавшихся под влиянием прогрессивных течений XIX века.

Исторические судьбы украинского народа непреодолимо толкали его в сторону демократии. После того, как все высшие общественные классы покинули украинскую народность, чтобы перейти в ряды государственной, господствующей народности польской, — уже в XVII веке представителем украинской народности стал демос, и интересы и успехи украинского демоса становятся интересами и успехами украинства. Вторичное дезертирство высшего класса, образовавшегося из козацкой старшины в XVIII веке и ушедшего тоже „по линии наименьшего сопротивления” в недра российского дворянства, к лику которого причислило его правительство в возмездие за отречение его от „умоначертаний прежних времен” в сфере политики, — только упрочило этот демократический характер украинства. Крестьянство, демос легли в основу самого понятия украинства; нужды и задачи крестьянства стали нуждами и задачами украинской народности. Романтическое народничество первой половины XIX века со своим культом народа поддержало и санкционировало примерами европейского романтизма и славянского возрождения эту демократическую тенденцию украинства, и на украинской почве народничество, носившее не только культурно-литературную, но затем и общественно-политическую окраску, развивается весьма рано и сильно, опередив и по времени и по глубине своих проявлений хотя бы народничество великорусское.

Борьба с крепостным правом, защита человеческих прав крестьянина, „крипака”, находит сильных и пламенных выразителей в возрожденной украинской литературе, и в эпоху, когда освобождение крестьян было злобой дня России, Тургенев

имел полное основание предложить великорусскому обществу сборник переводных рассказов из украинского крестьянского быта Марка-Вовчка, сравнивая его по силе впечатления с известной книгой Бичер-Стоу. Когда крепостное право было упразднено, среди украинского общества живейший интерес возбуждают вопросы устройства крестьянского хозяйственного и общественного быта, распространения грамотности и образования, создания популярной литературы для народа и т. п., пока гонения администрации не придавливают этого движения в России. С тем большей силой развивается и движется в этом направлении — радикального народничества и демократизма — украинство в заграничных украинских землях, ставя своей задачей борьбу с остатками феодального строя и защиту интересов трудящихся масс. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, созданные всевластным господством реакционной и шовинистической польской шляхты в Галиции, для организации и подъема общественного и политического сознания украинских народных масс здесь сделано очень много. Последние события: борьба за всеобщее и прямое избирательное право и выборы в парламент обнаружили среди крестьянства, составляющего главную массу украинского населения Австрии, такую политическую сознательность, такой организационный такт, такое напряжение общественной энергии, какого от „темного хлопа” никто не мог бы ожидать еще очень недавно.

Так же органически, или точнее сказать — исторически сложилась политическая программа современного украинства: децентрализация, национально-территориальный автономизм, федерализм, самое широкое участие народа в управлении.

Принципы старорусского народоправства в украинских землях не были подавлены монархически-бюрократической самодержавностью, как это случилось в землях великорусских, в Московском государстве. Наоборот, в юго-восточной Украине они были с новой силой освежены движением общин против княжеской власти, а в Украине западной княжеская власть должна была делиться полнотой своих прав с боярским советом, занявшим место старорусского вече. Позже, в составе литовского и польского государств украинские земли жили в условиях сословного конституционного государства, а принципы городс-

кого немецкого права поддерживали и развивали навык к корпоративным, выборным формам организации. Козачина, охватившая в XVII веке всю восточную половину Украины, построила всю общественную и политическую организацию края на принципах выборности и ответственности. Правительство, администрация, суд, церковь, войсковое управление все должно было быть „для народа и через народ”. И если этой системе представительного правления не удалось удержаться в полной чистоте и последовательности благодаря влияниям централистической политики Москвы и иным неблагоприятным условиям, то тем не менее в народном сознании эта система осталась единственно справедливой, а старая козачина, выдвинувшая этот строй, наряду с отрицанием всяких имущественных и общественных привилегий, в представлении и воспоминаниях народа остается носителем высшей правды-справедливости, и в этом смысле традиции козачества были обработаны возрожденной украинской литературой, начиная с Шевченко и кончая плеядой второстепенных писателей.

Традиционный украинский автономизм, неполно выветрившийся несмотря на „желание к чинам, а особливо к жалованию”, на которое возлагало свои надежды и которое тщательно развивало петербургское правительство в XVIII и XIX в.,⁵ разрабатывается снова в политическую программу под влиянием политического радикализма первой половины XIX в., особенно тайных политических обществ 1820-х гг., действовавших на Украине. Знаменитое украинское „Кирилло-Мефодиевское братство” 1840-х гг., в котором принимали участие наиболее выдающиеся представители современного украинского движения, ставит своей программой славянскую федерацию из самоуправляющихся славянских народов, среди которых равноправное место должен занять и украинский народ. Народоправное устройство отдельных славянских территорий — „так чтобы каждый народ составлял особенную речь-посполитую”, — должно было объединяться федеральным советом — „общим славянским собором из представителей всех племен”, с выборным главой — „правителем, избранным на время”. В строе этой федерации не оставляется места для каких-либо сословных или иных привилегий, „рабства или унижения низших клас-

сов”, никаких ограничений свободы мысли, слова, религиозно-го исповедания.⁶

Кружок этот подвергся жестоким преследованиям — заключениям, ссылкам, и многие из его членов впоследствии уже не возвращались к смелым мыслям своей юности. Эпоха правительственных реформ дала новое содержание общественным интересам. Но с усилением реакции, в 1870 и 1880 годах, украинское общество возвращается к разработке старых идей национального федерализма. В то время, как одна часть его с головой бросается в революционное движение, на первый план ставившее борьбу с самодержавным режимом и откладываявшее решение национальных проблем „на другой день после победы над общим врагом”, а другая еще раз идет „в сторону наименьшего сопротивления”, суживая свои национальные запросы и интересы до размеров, невозбраненных старым режимом, — то наряду с этим не было недостатка в людях, развивавших общими силами российской и австрийской Украины политическую программу украинства в духе его старых традиций — радикального демократизма с сильной социалистической окраской, и национального федерализма.

Так сложилась современная программа прогрессивного украинства, в главных чертах общая Украине российской и австрийской и их разным течениям и группам прогрессивно-социалистического направления, как украинские демократы-радикалы, галицкие национал-демократы и радикалы, и с известными отличиями в общей постановке, но со значительными совпадениями в национальной части своих программ — также и украинские социалдемократы, народные социалисты или социалисты-революционеры. Эта современная украинская программа представляет собой новейший этап того старого общественно-политического движения, предшествующие стадии которого представляет, например, хартия 1710 г. или статут кирилло-мефодиевцев 1840-х гг. — этап, конечно, не окончательный, но органически развившийся из исторических условий украинской жизни и из политико-общественной идеологии предшествующих поколений украинского общества.

На первом плане этой современной национальной украинской платформы фигурирует защита интересов трудящихся

элементов общества и обеспечение их интересов — путем перехода орудий производства в руки трудящихся: машин, мастерских и заводов в руки рабочих, земли в руки трудящихся земледельцев. Мотивы социального характера совпадают с национальными и тесно сплетаются с ними, так как трудящиеся массы представляют собой главный национальный контингент, залог национального развития и силы, между тем как классы крупных землевладельцев и капиталистов-фабрикантов за малыми исключениями состояли из элементов чужеродных, пришлых или оторвавшихся от национальной почвы, во всяком случае чуждых национальной жизни и ее интересов. Поэтому, например, в аграрном вопросе ликвидация крупного землевладения путем принудительного выкупа, с украинской точки зрения представляется исходом желательным не только по соображениям общественной справедливости или в интересах народного хозяйства, но и с точки зрения ликвидации тяжелого наследия прошлого — подавления украинской стихии иными, привилегированными народностями или чуждыми ей привилегированными классами.⁷

Столь же общий характер по существу, но высоко ценимый с точки зрения интересов украинской народности — ее успешно и ничем не стесняемого развития, — представляет постулат возможно более широкого участия народа в управлении и контроле, проведения выборного принципа в организации управления от низов до верхов государственного строя, широкой децентрализации, устранения всякой искусственной нивелировки или регламентации культурной, общественной и национальной жизни и создания благоприятных условий для общественной самодеятельности и инициативы, для успешного развития областей и народностей, входящих в состав государства. Формой, лучше всего обеспечивающей беспрепятственное существование и развитие народностей и областей, низводящей национальные трения до минимума, устраняющей эксплуатацию их средств на цели, чуждые их интересам, и могущественно способствующей развитию производительных сил областей на пользу местных трудящихся масс, прогрессивная украинская платформа признает *национально-территориальную автономию* и федеративный строй государства. Она настаивает на необходимости

переустройства государства на принципах национально-территориальной автономии, с обеспечением помощью общих законодательных норм прав национальных элементов, находящихся в меньшинстве, и проведением принципов децентрализации и самоуправления в глубину этих автономных организаций.

Этот строй имеет целью обеспечить свободу и ненарушимость культурного и национального развития украинского населения России и его территории. В нынешних условиях производительные силы Украины, результаты труда ее национальных масс, расходуются ее привилегированными классами и правительством на цели отчасти чуждые ее интересам, отчасти глубоко враждебные последним. Средства, собираемые привилегированными классами с трудящегося населения, или пропадают для него и для края благодаря их абсентеизму, или идут на развитие и укрепление „господской” культуры (польской и великорусской), отесняющей все более и более на задний план „мужицкую” украинскую культуру, и деморализующей украинские массы своей проповедью о том, что украинская культура (язык, литература, искусство) неспособна к движению и развитию. Правительство, эксплуатируя до последней возможности платежные силы украинского населения, возвращает Украине всего около половины собираемых с нее средств,⁸ но и возвращаемое предназначает не на развитие продуктивных сил, не на нужды культурного развития населения, а на укрепление враждебного народной жизни режима.

Администрация, школа, церковь, из которых изгнан народный язык, держат народные массы в заколдованном кругу безысходной тьмы. Система запретов и репрессий изъела из культурного употребления народный язык и лишила народные украинские массы естественного, единственного орудия культурного развития; официальная школа, бессильная заменить народный язык языком великорусским, выступая в роли такого культурного орудия, лишь калечит вконец национальный инстинкт, довершает проповедь культурной непригодности народного языка, и оставляет своих питомцев „без языка” — лишенных своего, не усвоивших чужого. Результатом является страшное культурное и экономическое захудание украинского населения под денационализирующим режимом. Сто—двести

лет тому назад далеко превосходившее своим культурным и общественным развитием великороссов, украинское население теперь все более и более отстает от них вследствие утраты национальной школы, национальной литературы, национальной интеллигенции: процент безграмотных в украинских губерниях превосходит в 1½—3 раза процент безграмотных в губерниях великорусских; грамотность пассивная, остающаяся без культурного употребления, и рецидивизм безграмотности доходят до размеров ужасающих; народные массы дают страшную картину оскудения, полного упадка — культурно-экономического и общественного.

Эти пагубные последствия централистической и ассимиляционной политики заставляют прогрессивные украинские партии стремиться к широкой децентрализации государственного строя. Не удовлетворяясь чисто теоретической отменой национальных стеснений, и не полагаясь на попечение центральных общеимперских органов о национальных нуждах негосударственных народностей, они считают единственным удовлетворительным исходом передачу попечений о культурном и экономическом развитии края автономным, выборным органам этого последнего. Только умелый и тщательный уход со стороны самого общества, силами и средствами всей украинской территории России, только дружные и планомерные усилия всего ее населения могут загладить последствия старого централизма, тяжелье раны, нанесенные им экономической и культурной жизни края. Тем более, что не только культурно-национальные, но и чисто экономические условия местной жизни таковы, что требуют самостоятельной хозяйственной политики ввиду коренных отличий этих условий от условий центра и северо-западных и северо-восточных областей России. Напомню, что украинская территория имеет свои специальные отрасли земледельческой культуры (пшеница, ячмень, свекла, табак), свои особые ветви промышленности (свекло-сахарная, винокурная, табачная), свои запасы минерального топлива и строительного материала, свои богатые залежи металлов, горную промышленность, поставленную уже теперь на первое место в России. Естественные условия заставляют ее торговлю тяготеть к „своему” морю — Черному, открывающему перед ней свои рынки — средне-европей-

кие, между тем как через Балтийское море вывозятся продукты северных областей на рынки северо-запада Европы. И если экономическая политика правительства тяжело отражалась и отражается на хозяйстве Украины, искусственно стягивая ее капиталы в обще-имперские центры, систематически покровительствуя вывозу и ввозу балтийскому в ущерб черноморскому, доводя до полного расстройтва некоторые отрасли местного хозяйства (недавний пример — упадок табачной культуры лево-бережной Украины), и т. п., — то тем более очевидно, что не только реакция против грехов централизма, но и логический вывод из данных экономической, также как и культурно-национальной жизни края, заставляет стремиться к переустройству на началах национально-территориальной автономии — не только в интересах украинской народности, но и всего края, его экономического и культурного развития.

Чуждое всякой исключительности, всяких притязаний на какие-либо привилегии или исторические права, прогрессивное украинство не выделяет разрешения своего национального вопроса из общей проблемы превращения старой бюрократической централизаторской России в свободное правовое государство. Ни свобода национального самоопределения и развития, ни автономный строй не представляются ему уделом избранных, наградой за прилежание и успехи: в них оно видит элементарные условия нормальной государственной жизни такого разноплеменного, разнородного государства, как Россия. Принадлежа сами к одной из народностей, наиболее жестоко и несправедливо обделенных историей, украинские прогрессисты являются элементом демократическим до конца, настаивая на равноправии не только для единиц, составляющих общество, но и для национальных групп, из которых состоит „империя народов” — Россия. Обеспечение успешного национального развития украинского народа, автономии Украины в ее национально-этнографических границах, они рассматривают как составную часть более общей проблемы: переустройства России на началах равноправия народностей и нестесняемости национальной жизни, на началах децентрализации и национально-территориальной автономии.⁹

III

Вполне понятно ввиду вышесказанного крайне враждебное отношение к украинству со стороны „охранителей”, стоящих на страже интересов бюрократии или плутократии, господства национального или сословного централизма или феодализма.

Для них — это разрушительная, анархистическая стихия, враждебная общественному строю и государственному порядку, как они его себе представляют. Так как в программе украинства социально-экономическая сторона тесно и неразрывно связана с политической и национальной, так что нет возможности отделить его „национальные требования” от его „социального радикализма”, то даже и для тех, кто был бы, может быть, склонен пойти на известные уступки чисто национальным украинским требованиям, но не может помириться с украинской социально-экономической программой, нет места для компромисса и соглашений. Об этот краеугольный камень украинства разбилась попытка польско-украинского соглашения в Галиции, так называемого „угода” 1890 г. Ценой уступок в сфере культурно-национальной польско- шляхетские политики хотели обратить украинцев в охранителей политического и общественного *statu quo*, привести их к отречению от их „социального радикализма”, от защиты интересов украинских масс. Это предложение было очень соблазнительно для тогдашнего во всех отношениях обделенного украинского общества Галиции, и в его среде на время обнаружилось колебание; но логика фактов, логика национального украинского движения немедленно взяла верх, и чечевичная похлебка национальных уступок, за которую должны были быть проданы самые жизненные интересы украинского движения, была отвергнута.

Если таким образом сознательные, прогрессивные, политически и социалистически настроенные элементы, представляющие современное украинское движение, настолько резко ограничены справа, что тут нет места для каких-нибудь соглашений, компромиссов и т. п., то слева — со стороны прогрессивно или социалистически настроенных слоев великорусского или польского общества следовало бы, кажется, ожидать весьма близ-

кого и тесного общения, естественного для элементов созвучных и в целях своих весьма близких. Однако на деле оказывается не то. И тут сказывается недостаток не только осведомленности, отсутствие надлежащих сведений о сущности и характере украинского движения, но более или менее бессознательное наследие идей официальной русской народности в обществе великорусском, традиций „исторической Польши” — в обществе польском, от влияния которых, очевидно, не успели вполне освободиться даже наиболее прогрессивные группы того и другого общества.

Это малодоброжелательное отношение к украинству прогрессивного великорусского общества имеет свою довольно длинную и невеселую историю. Законоположник и вождь прогрессивной России Белинский, как известно, встретил вождя и пророка нового украинства Шевченко резкими выходками, в которых сквозило не только непонимание украинства, но и недоброжелательность к этому, только выдвигавшемуся тогда течению. Странному проповеднику европеизации России, возможно полного усвоения ею западной культуры и гражданственности, украинское народничество, романтическое козакофильство, культ демоса казались чем-то враждебным культурному развитию России, отвлекающим силы от культурного движения „на запад”. Разгром кирилло-мефодиевского кружка, тяжелые кары, обрушившиеся на представителей этого чистейшего, прогрессивнейшего проявления украинского движения, вызвали в нем злорадные замечания, недостойные прогрессивной России и осуждаемые по достоинству самими биографами Белинского. В не столь резких формах это неблагоприятное отношение к украинству давало себя постоянно чувствовать и после — за немногими и довольно слабыми исключениями. Украинство казалось представителям прогрессивной России чем-то малосерьезным и малокультурным, малопрогрессивным, каким-то узким провинциальным патриотизмом, архаическим партикуляризмом, недостойным современного человека. Живая, дружная работа над одними и теми же вопросами в эпоху освобождения крестьян несколько сблизила и сгладила эти шероховатости; к этому времени относятся полные симпатии к украинству отзывы Добро-

любова, Тургенева, Бакунина. Но правительственные проскрипции еще раз сбросили украинцев с их позиций, и когда они, после долгого вынужденного перерыва, затормозившего украинское движение, начали в 1870-х гг. с того места, на котором захватили их правительственные запрещения, — представителям прогрессивной России украинство снова показалось чем-то узким и жалким, стало предметом если не неприязни, то снисходительного сожаления. Интересно констатировать, как например даже украинский радикализм Драгоманова, суживавший до минимума специально-украинские национальные запросы в интересах, так сказать, общероссийских политических и культурных задач, казался все-таки представителям левых великорусских течений узким, жалким провинциализмом и вызывал только насмешливые замечания такого чуткого показателя современного прогрессивного курса, как Салтыков, шутившего над „гадяцким сепаратизмом”.

Такое отношение, кроме неосведомленности, поддерживалось также тем обстоятельством, что рядом с украинцами, отказавшимися идти „в сторону наименьшего сопротивления” и желавшими сочетать интересы общекультурные или общеполитические с непосредственной службой своему обществу, своему народу, находилось и находится немало людей прогрессивно настроенных, толковых, даже даровитых, которые, выросши в атмосфере официального обрусения, утратили живую связь с народной жизнью, с традициями украинства, и не считая себя какими-либо отступниками, совершенно искренне причисляя себя „тоже к малороссам”,¹⁰ ограничиваются в своем „малороссийстве” более или менее неясными и совершенно несерьезными симпатиями ко внешним, декоративным сторонам украинской жизни и серьезно относятся лишь к культуре и государственности „общерусской”, т. е. великорусской. С голоса таких „тоже малороссов” разных оттенков, или „большинства малороссов”, как их титулуют при случае,¹¹ повторяли правительственные сферы разные аргументы, которыми мотивировались запрещения и репрессии против украинского слова, против украинского движения, и они не оставались без отклика и в прогрессивных кругах. По слабости человеческой все мы охот-

нее верим тому, что нам более нравится, более выгодно, и в прогрессивных, как и в охранительных кругах из двух категорий „малороссов” — тех, которые ставили известные требования в интересах украинской народности, и тех, кто не ставил никаких требований, обрекая украинскую народность на служебную роль по отношению к (велико)русской культуре и государственности, эти последние, так сказать „общеруссы малороссийского происхождения” имели больше шансов: их предпочитали считать за настоящих показателей украинства, представителей того, каковы настоящие украинцы и какими им следует быть и впредь. С их слов и ввиду их существования повторялись ходячие фразы, что национальные стремления украинства — это дело кучки фантазеров, не имеющих почвы ни в украинском обществе, ни в украинских массах; что современное украинство вообще явление наносное, выдуманное; никакого собственно украинского языка нет и быть не может; украинцев вполне удовлетворяет общерусская литература и культура, — и стремление к созданию украинской литературы, науки и т. п. это ненужное дробление сил, вредный партикуляризм, противоречащий современным тяготениям к общечеловеческому, и т. д.

В конце концов из-под уклончивого молчания, каким окружается обыкновенно все касающееся украинства, в (велико)русских прогрессивных сферах выступают мотивы вполне аналогичные с аргументами и мотивами охранительных кругов: сомнения в законности стремлений украинцев к самостоятельному национальному развитию, опасения за судьбу общерусской культуры и государственности, могущей потерпеть известное ослабление с развитием культуры украинской, и желание удержать в служебной роли украинскую народность.

Русская социал-демократия, вообще неблагоприятно настроенная к национальным вопросам, не помирившаяся, как социалдемократия австрийская, с неизбежностью национальной дифференциации социалдемократизма, в частности весьма неблагоприятно относилась до сих пор к национальным запросам украинства. Находя, что привнесение национальных требований ослабляет классовую солидарность вообще, она подвергает сомнениям наличие национальных запросов у украинс-

ких рабочих масс, находит их неуместными, вредными.

Наряду с ней предпосылку об отсутствии наличности у украинских масс определенных национальных запросов усвоили и представители других прогрессивных направлений. Конечно, если ставить необходимым условием, чтобы по каждому запросу более сознательной части общества, были предъявлены доказательства наличности такого запроса у всей массы населения, можно опрокинуть любой из современных вопросов (кроме аграрного), и предъявлять такое требование к украинству — значит толкать его на путь усиленной не только национальной, но и националистической пропаганды. Но это забывается в данном случае.

И в конце концов защита национальных нужд украинских масс усердно дискредитируется кличкой „национализма”, хотя бы эта защита не выходила за пределы самых корректных форм, чуждых всякой исключительности.

Иначе складываются отношения в польском обществе. Здесь нет двух линий — правительства и общества; национальную политику ведет само общество, и отношение его к украинству вышло давно за пределы чисто теоретических положений, которыми все еще ограничиваются отношения к украинству общества великорусского. Благодаря этому польско-украинские отношения приобрели больше реальности, определенности и напряженности.

Старая теория о том, что украинская народность представляет лишь разновидность польской, ее провинциализм, не исчезла, но должна была много потерять в своей теоретической убедительности после того, как в последние десятилетия с такой силой обнаружилось полное расхождение польского и украинского элемента. В практическом приложении эти теории, как и идеалы восстановления старой государственной Польши, „исторической Польши”, „Польши от моря до моря”, не перестающие служить путеводной звездой значительной части польского общества, сводятся к стремлениям удержать позиции польского элемента, оставленные ему как наследие бывшего политического господства, — укрепить господствующее положение польского элемента в тех частях Украины, как и Литвы

и Белоруссии, где в его руках сохранилось политическое, экономическое или культурное преобладание, удержав туземное украинское (также как литовское и белорусское) население в служебной роли, и сохранить позиции польского элемента в других частях „исторической Польши”, как опорные базы для поступательного движения польского элемента в иных более благоприятных условиях будущего. И если идеи исторической Польши, в своем чистом виде, как и полное отрицание всяких прав на национальное развитие за украинским народом составляют удел шовинистически настроенной части польского общества, то идеи сохранения польского преобладания вне границ этнографической Польши сидят очень глубоко, и от влияния их не свободны и представители прогрессивных течений польского общества.

Наиболее характерным показателем — пробным камнем польско-украинских национальных отношений — служил и служит до сих пор вопрос о границах польской автономной территории. Украинцы, являясь сторонниками автономии национально-территориальной, признают всю законность требования автономии Польши в ее *этнографических* границах. С польской же стороны принцип этнографической территории подменяется принципом историческим: поляки домогаются автономии для Польского королевства в границах установленных венским конгрессом. Независимо от принципиального различия (принцип исторических прав и принцип реальных этнографических и всяких иных отношений), это имеет очень существенное значение: границы конгрессовского королевства, или так называемого царства Польского, захватывают в восточной своей части не-польские территории: на юго-востоке украинскую (части Холмской земли и Подляшья, старых украинских провинций, совершенно механически присоединенных к настоящему польскому провинциям венским конгрессом), на северо-востоке территорию литовскую (жмудскую), между ними небольшой клочок белорусский.

Логика тех посылок, на которые опираются польские требования автономии, очевидно, требует, чтобы эти не-польские пограничные территории были исключены из польской автоном-

ной территории и присоединены к соседним своим этнографическим территориям. Поляки противятся этому, обещая, что польский сейм обеспечит культурные национальные нужды этого не-польского населения. Но пример обеспечения культурных украинских нужд польским сеймом соседней Галиции, заставляет украинские и другие не-польские народности настойчиво отвергать идею включения их в будущий польский сейм. Также и усиленная фабрикация поляков в украинском населении Холмщины и Подляшья, развившаяся в последние десятилетия на религиозной почве под гнетом официального обрусения,¹² заставляет желать скорейшего изъятия этих не-польских территорий из сферы польского влияния. А солидарность — с националистически настроенной частью польского общества, проявляемая его прогрессивными элементами в вопросах, связанных с охраной „польского достоинства”, наводит на грустные мысли о силе влияния идей исторической Польши и экспансионных стремлений даже на более прогрессивную часть польского общества.

Насколько свободными от этого влияния покажут себя польские элементы т. н. юго-западного края, или правобережной Украины, это вопрос будущего. Физиономия этих элементов еще только обрисовывается. Среди местных поляков не перестают появляться отдельные единицы, тесно примыкающие к украинскому движению, как представителю интересов местного демоса, как возродителю и обновителю края, который эти единицы считают своей родиной и обязанности пред которым они ставят во главу угла. Несомненно, с ростом украинского движения — с одной стороны, с нарастанием прогрессивных и демократических элементов в местном польском обществе — с другой, число таких единиц будет возрастать. Но конечно, нет никаких оснований предполагать, что этим путем пойдет польское общество в целом, и таких претензий никто не может к нему и ставить. Признавая право польских элементов, как и всяких других, живущих на украинской территории, на национальное самоопределение, прогрессивное украинство ставит им только одно пожелание — в интересах этой общей родины, ее успешного развития и дружной работы над этим развитием; оно заключается в том, чтобы эти польские элементы, значи-

тельные по своей численности, и еще более — по тем материальным и культурным средствам, которые оставила в их руках эпоха их национального господства,¹³ — воспользовались ими для экономического и культурного развития края и его населения, его трудящихся масс, а не для упрочения своего преобладания над ними.

Весьма интересно, как симптом, течение, носящее название территориализма. „Территориалисты” — это поляки юго-западного края, сознающие себя поляками, желающие сохранить свою польскую национальность, но признающие свои обязанности перед территорией, с которой связала их история, перед населением, среди которого они выросли, а не перед всепольской политикой. Это течение, как видим, совпадает с тем пожеланием, которое ставит украинство польскому обществу. Вопрос только в том, разовьется ли и захватит ли оно польское общество западной Украины?

Это последнее, до сих пор идя в сторону наименьшего сопротивления — уклоняясь от „политики”, за которую сыпала на нее бичи и скорпионы русская администрация, и пользуясь поддержкой и олекой, какую она находила у нее в своих экономических, владельческих интересах, жило до сих пор главным образом интересами материального благосостояния. Крупное землевладение было основой его, и интересы землевладельца-агрия и заводчика — жизненным нервом. Если традиция борьбы с абсолютизмом и централизмом в интересах независимой Польши поддерживали известное оппозиционное настроение, то интересы экономические, классовые заставляли тяготеть к „сильной власти”, обслуживавшей эти интересы. „Истинно-русские люди” юго-западного края не раз находили поддержку в истинно-польских людях в своей реакционной политике в истекшие годы „конституционной эры” России. Рядом с ними прогрессивные элементы польского общества проявляли себя довольно слабо — и оказывались довольно слабыми.

Подведем итоги.

Украинство — прогрессивное, демократическое, социальное украинство, являющееся выражением стремлений сознательной

части украинского общества, это не теорема произвольно-измышленная какой-то кучкой людей, но органический результат исторического процесса, логический вывод из исторических условий украинской жизни и фактов его современных отношений.

До сих пор, однако, несмотря на созвучность общих политических и социальных проблем, украинство не имело искренних союзников и доброжелателей ни в прогрессивном обществе (велико)русском, ни в польском. Национальный постулат украинства до сих пор встречается здесь неприязненно, и украинский вопрос или недоброжелательно замалчивается, или открыто оспаривается; даже такие близкие сестры, как социал-демократия украинская и (велико)русская, находятся в весьма натянутых отношениях между собой. Это отношение (велико)русского общества находило себе известное оправдание в существовании среди украинцев значительного количества людей с атрофированным национальным чувством: оно могло поддерживать иллюзию, что национальные стремления украинцев не являются чем-либо серьезным и общим. Но ввиду вышесказанного, я думаю, представляется ясным, что существование таких „тоже малороссов” без национальных запросов должно быть понимаемо как явление патологическое, наследие анти-украинской политики старого режима, осужденное на вымирание в нормальных условиях народной жизни; а на патологическом явлении, конечно, нельзя строить никаких планов свободного и здорового развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Губернии: Волынская со смежными частями Люблинской, Седлецкой, Гродненской и Минской, Киевская, Подольская, значительная часть Бессарабской, Херсонская, Екатеринославская, материковая часть Таврической, Полтавская, Харьковская, большая часть Черниговской, юго-западная часть Курской, восточные части Воронежской и области войска Донского, значительная часть Кубанской и губернии Черноморской (Новороссийской) и Ставропольской.
- 2 Что „русский” язык отнюдь не является языком общерусским и не может заменить украинскому населению его родного языка, основательно выяснено в записке петербургской академии наук, составленной в ответе на запрос комитета министров („Императорская академия наук об отмене стеснений украинского слова”, 1905 г.). Там же указаны тяжелые последствия замены родного языка (велико)русским в народных школах Украины: падение грамотности среди народа и общее понижение его культурного уровня (см. мою брошюру „Украинство в России”). С другой стороны, чрезвычайно печальные результаты дали попытки известной части интеллигенции австрийской Украины — употреблять в качестве культурного орудия (велико)русский язык; последствием была денационализация в сторону польскую, мадьярскую, румынскую, и падение культурной и национальной жизни в тех кругах, где производились эти попытки подменить народный язык языком (велико)русским.
- 3 Окончательно упразднено было старое управление Украины в 1782–83 г., с введением губернских учреждений и преобразованием казачьих полков в регулярные. Восстановлено оно было отчасти, и то на короткое время, при императоре Павле. От старого автономного строя Украины уцелели лишь некоторые нормы гражданского статутного права гетманщины, действующие до сих пор в губерниях Черниговской и Полтавской.
- 4 Более подробные сведения по истории украинского вопроса интересующиеся найдут в моей книге „Очерк истории украинского народа”, 2 изд. 1906 г. (более подробная моя история Украины на украинском языке — „История Украины—Руси” доведена пока только до начала XVII века, — 6 томов; первый том вышел также на немецком языке). Краткое изложение главнейших фактов по украинскому вопросу читатель найдет в брошюрах: „Украинство в России, его запросы и нужды”, 1906 г. (последняя глава „Очерка”), „Украинский вопрос”, 1907 г., „Движение политической и общественной украинской мысли в XIX стол.”, 1907 г. Последние брошюры вошли также в мой сборник статей по украинскому вопросу: „Освобождение России и украинский вопрос”, 1907 г., где выясняется и отношение прогрессивного украинства к различным проблемам настоящего момента и его постулаты.
- 5 Не далее как в 1767 г., при выборах в комиссию уложения, требование восстановления автономного украинского строя высказано было представителями разных сословий и местностей Украины, как общее, всенародное желание.
- 6 См. „устав” и „правило” братства, помещенные в журнале „Былое” 1896 г., П.
- 7 См. мои статьи „Вопрос дня (аграрны перспективы)” и „Национальные моменты в аграрном вопросе” в упомянутом сборнике „Освобождение России и украинский вопрос”.
- 8 Вот цифры последнего „нормального”, предреволюционного 1903 года: государственных доходов с украинской территории было около 520 миллионов, государственных же расходов в ее пределах — около 280 млн.
- 9 Комбинация автономии национальной с автономией областной, заключающаяся в том принципе национально-территориальной автономии, на котором настаивают нынешние представители прогрессивного украинства, имеет целью сочетать интересы национального развития народности с обеспечением интересов края в его целом, интересов экономического и культурного преуспеяния всего населения. Национальная автономия экстерриториальная, независимо от серьезных практических трудностей ее проведения, имеет ту нежелательную сторону, что она нарушает и интересы края и ослабляет связи экстерриториализированной народ-

ности с краем и с прочими национальными группами его населения. Украинские прогрессисты предпочитают поэтому обеспечение национальных интересов народностей, не имеющих своих национальных территорий или находящихся в меньшинстве, не путем экстерриториальной национальной автономии, а путем широкого общинного самоуправления, широкого развития частных учреждений и гарантий интересов меньшинства вообще, и стоят за национально-территориальную автономию не только в приложении к Украине, но и как за общий принцип государственного устройства. — см. мои статьи: „Единство или распадение России”, „Национальный вопрос и автономия”, „О зрелости и незрелости”, „Наши требования”, в вышеупомянутом сборнике.

10 Это выражение „тоже малоросс” стало в последнее время техническим термином в украинских кругах для обозначения таких малороссов „четырнадцатой пробы”.

11 На мнение „большинства малороссиян”, весьма основательно доказывающих, что „никакого особенного малороссийского языка не было, нет и быть не может”, ссылался уже и министр Валуев в своем эдикте против украинского слова 1863 г. — первом в хронологическом порядке.

12 Этот щекотливый вопрос требовал бы более пространного объяснения, чем то, какое может быть дано в тесных рамках настоящей статьи. Насильственная отмена унии и насаждение официального, обрусительного православия русской администрацией в 1870-х гг. создали среди украинского населения Холмщины и Подляшья значительные массы „упорствующих униатов”, которых постарались взять под свою опеку польские клерикально-националистические круги под предлогом „попечений об унии”. За отсутствием унии эти „упорствующие” были постепенно превращаемы в католиков, а оппозиция официальному обрусению была вообще направляема в русло ополячивания. Когда в 1905 г. была провозглашена свобода религиозного исповедания, попечителям об унии следовало возбудить вопрос о восстановлении этой „религии отцов” местного украинского населения, но в действительности всякие упоминания о ней принимались в польских кругах весьма недоброжелательно: с их точки зрения была гораздо предпочтительнее дилемма католицизма в польской оболочке и официального православия в обрусительных формах, и бывшим униатам дан был пароль, не упоминая об унии, домогаться признания их католиками, а затем в национальной статистике эти новые католики фигурировали уже в качестве поляков.

Все это, к сожалению, не нашло осуждения со стороны прогрессивной части польского общества, и среди нее эта клерикально-националистическая облава на бедных и темных пасынков исторической Польши и официальной России продолжает прикрываться фразами, очень хорошими сами по себе, но в данном случае совершенно неуместными.

13 По переписи 1897 г. общее количество поляков в трех губерниях юго-западного края показано в 118 тыс или 1.7% всего населения; цифра, вероятно, не точная, но дающая все же понятие о числовом коэффициенте. Что касается экономического и культурного значения, то нужно иметь в виду, что в значительных частях юго-западного края большая часть крупного землевладения до сих пор в руках поляков, в других — очень значительная часть его принадлежит им. Неслужащая интеллигенция, свободные профессии представлены также в большей или весьма значительной части поляками.